Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 125–136. DOI: 10.17223/15617793/463/16

УДК 930+ 304 + 091

Д.А. Тепляков

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ А.А. БОГДАНОВА

Реконструируются антропологические поиски А. Богданова, включающие в себя следующие составляющие: определение сущности человека; историософскую концепцию «собирания человека»; проблему соотношения между личностью и обществом, между человеком и техникой; роль труда / отдыха и творчества в процессе продолжающегося антропогенеза; проблему соотношения сциентизма и гуманизма; товарищеский способ мышления, соответствующий социалистическому обществу; вопросы этики. Сделан к вывод, что Богданов, будучи одновременно наследником «второго позитивизма» и марксистом, впадает в противоречивое видение человека как чисто утилитарно-механистическое приложение социальных сил и как многоликого и оригинального творца себя, организатора общества и природы.

Ключевые слова: А.А. Богданов; сущность человека; философская антропология; марксизм; позитивизм; историософия; историография.

Подъём рабочего и студенческого движения против капитализма и самодержавия, крестьянские восстания против всевластия помещиков в России на рубеже XIX–XX вв., вылившиеся в итоге единым потоком в революцию, оживили мощный пласт размышлений о природе человека и общества, подстегнули выдвижение проектов возможных моделей социальных отношений между людьми. Одним из оригинальных, честных и энергичных мыслителей-практиков был Александр Александрович Богданов (Малиновский). Он являлся личностью творческой и не догматичной, настроенной на создание методологии не только в качестве инструмента / рамки для объяснения и интерпретации мира, но и для его активного переустройства. Однако на протяжении многих десятилетий научное и творческое наследие Богданова было несправедливо забыто. В СССР – по причине «непререкаемости» ленинской критики методологии эмпириомонизма с последующим политическим обвинительным «бессрочным» «вердиктом». В «западных» странах настороженность и скептичность в отношении Богданова были вызваны его политической идентификацией (он являлся революционером-марксистом и большевиком), что повлияло на своевременную неотрефлексированность в научной среде «Эмпириомонизма» и «Тектологии» Богданова, которые предвосхитили рождение общей теории систем и кибернетики, что было признано уже постфактум [1. С. 3–13; 2. С. 332–333; 3. С. 283–284; 4. С. 740–741].

Краткий историографический обзор по теме. Первыми на антропологические поиски Богданова через его «Красную звезду» трезво оценивают люди, наиболее близкие к духовной культуре, его друзья и единомышленники – Луначарский и Горький. С одной стороны, они замечают отсутствие страсти, красок, холодность схематизм мышления у героев-марсиан романа-утопии, противопоставляя их строгий, дисциплинированный, монистический позитивизм юношеской, бурной, многоликой земной культуре, в будущем обещающей нечто гораздо более богатое и впечатляющее. С другой – им нравится «светлая, глубокая вера… с коей автор смотрит в будущее», отождествляемое с осуществлением социалистического идеала [5; 6. С. 144]. Акцентацию внимания Богданова на психологические феномены, на сознание человека, способ мышления, советские критики вслед за Плехановым и Лениным определяли как «субъективный идеализм», не замечая развитие им деятельностного подхода Маркса (по 11-му тезису о Фейербахе: не только объяснение-интерпретация, но и изменение мира). В то же время «патриарх» советской марксистской историографии М.Н. Покровский обращает внимание на бессознательную веру Богданова («вице-лидера» большевиков) в *могущество человека* (а значит, и в ставку на субъективный фактор), где «человек из себя строит весь мир», прибавляя к этому, что «Богданова напрасно обвиняли в чистом идеализме» [7. С. VI]. Русский религиозный философ В.В. Зеньковский реконструирует плехановское и ленинское видение субъективного фактора в истории, однако, касаясь Богданова, этот момент пропускает [8. С. 695–708]. А.А. Белова в краткой биографии Богданова относительно его романов-утопий, высказывает критическую, но достойную внимания позицию в отношении отображения им взаимоотношения личности и общества: «Коллективная сила человечества планеты Марс – духовная капитуляция отдельного индивидуума (самоубийства престарелых, убийство учёного – Стэрни)» [9. С. 29]. Данную мысль продолжает социолог В.В. Витюк, усматривая «непривлекательность богдановской концепции коллективизма в двух противоречивых планах: 1) старательное и даже несколько нарочитое подавление “Я”». Роман Замятина «Мы» толкуется как противопоставление богдановским футуристическим художественным изыскам, – отсюда внесение лепты «в создание атмосферы, облегчающей принятие концепции “винтиков” и утверждение культистских умонастроений»; 2) Богданову присуща вера в активного человека и даже сверхчеловека [10. С. 47–48]. Так, Н.Н. Измоденова данных противоречивых пластов у Богданова не замечает: коллектив не отрицает личность, общая цель должна слиться с целью индивидуальной [11. С. 161–162]. Касательно «Красной звезды» американский советолог Дженсен приходит к утверждению: Богданов придавал особую значимость психическим проблемам, конфликту характеров, т.е. психическим препятствиям на пути к социализму [12. С. 19]. Для Л. Грэхэм драматическая история Леонида – одно из преломлений конфликта внутри духовного мира самого Богданова, где уживались две основополагающие идеи – пессимистическая и оптимистическая:

глубокое переживание раздоров среди людей и напряженная попытка показать, что взаимопонимание все же возможно [13. С. 243]. Американская исследовательница Зеновия Сохор в своей работе высказывает неоднозначную и спорную мысль о противопоставлении культивации товарищеских отношений Богдановым авангардистско-вождистским тенденциям у Ленина [14. С. 31, 35, 37].

Леонид (главный герой «Красной звезды»), по словам М. Арапова, потрясён эрозией этических принципов в марсианской атмосфере победившего социализма: коллективизм выливается в анонимность и безразличие, стирание классовых и национальных границ – к «мертвенной регулярности языка», автоматическая готовность откликнуться на общественные нужны – к отсутствию соревновательности, необременительность личных отношений – к этической индифферентности. По мысли автора, марсианское насилие (высылка Леонида на Землю после убийства математика Стэрни, предлагающего уничтожить всё человечество Земли) «безэмоционально и зловеще функционально». Помимо этого исследователь указывает на мысль Богданова об историчности форм мышления: человек мог думать в прошлом принципиально иным образом, чем сейчас (стоит добавить, что это было сделано в рамках позитивизма). К той же идее независимо пришли философы, этнографы, психологи, лингвисты (Леви-Брюль, Б. Малиновский, Боэс, Сэпир, Выготский и др.) [15. С. 68–69]. Добавим сюда и знаменитую «школу Анналов», в отечественной историографии – Лаппо-Данилевского и др. Андреас Шёнле в своей статье даёт литературоведческий анализ «Красной звезды» Богданова. Автор видит, что Богданов нарушает основной признак любой утопии – претензию на описание идеального мира, ибо люди на Марсе весьма несчастливы [16. С. 160] Ту же мысль проговаривает и Шушпанов: «…антиутопия проникает в саму текстовую ткань “позитивной” утопии, давая возможность двоякого истолкования» [17. С. 220]. В рамках проблемы соотношения цели и средств, по Е.А. Самарской, Богданов придерживался позиции вырастания цели из средств, как и цели диктуют средства, т.е. они не должны быть противоположны друг другу [18. С. 165]. Завершая историографический обзор темы, скажем: целостного исследования антропологических поисков Богданова до сих пор нет.

Что есть человек? В статье «Собирание человека» (1904 г.) Богданов задаётся вечным вопросом «что такое человек?», являясь неосознанным продолжателем дискурса К. Маркса об отчуждении человека (ранние произведения К. Маркса [19] к тому времени не были опубликованы). Богданов объединяет философские и обывательские представления о человеке: они претендуют на целостное видение, но в них проецируется «зауженный мирок» быта [20. С. 7–9]. Позиция «философов-метафизиков» Богдановым представлена *абстрактно и общё*, что значительно упрощает деконструктивную задачу, но не поиск истины. Научная точка зрения о человеке, – по словам Богданова, «верная», – остаётся расщеплённой между дисциплинами, каждая из которых определяет человека со своей стороны, частично, потому недостаточно. Отсюда его определение: «“Человек” есть *целый* мир опыта», который не сводится ни к «человеческому телу», ни к «сознанию», ни к «сотрудничеству» по отдельности, а является целостным (целое же не есть сумма частей) [20. С. 9–10]. Между тем, с одной стороны, метафизик Н.А. Бердяев обличает позитивизм, которого придерживается и Богданов, в «идеализме»: «Позитивизм… слишком наивно верит в опыт, в его единственность и окончательность, забывая, что этот опыт продукт нашего же сознания и даже одной только его стороны (исключающей этику. – *Т.Д.*)» [21. С. 97].

С другой – и у Бердяева есть целостное понимание человека: «Личность не есть часть чего-то… она есть целое, сопоставимое с целым мира» [22. С. 61]. И более того: «…мир есть часть человека, а не человек часть мира. У человека, как дробной и малой части мира, не могла бы зародиться дерзновенная задача познания» его [20. С. 16]. Но «философское» и «обывательское» определения человека критикуются Богдановым и за «консерватизм»: мол, человек выступает в них как раз навсегда данное, тогда как человек – «мир развёртывающийся, *не ограниченный никакими безусловными пределами*» [20. С. 11]. Однако и у Бердяева «человек есть существо, недовольное самим собою и способное себя перерастать» [22. С. 51].

С космологических позиций человек, по Богданову, есть микрокосм (частичный, в отличие от космоса как целого), через общение пополняющий свой опыт опытом другого. Бесчисленные потоки опыта вливаются в «бесконечный океан», космос, «природу». Человек здесь у Богданова лишь «часть, отражение великого целого», что есть перевёрнутая выше обозначенная позиция Бердяева [20. С. 11–12]. Одновременно Богданов утверждает концепцию борьбы человека с природой во имя разумного господства над ней с целью привнесения в неё организованности [20. С. 45–50; 23. С. 181; 24. С. 4].

Эта позиция в чём-то схожа с бердяевской. Но понятие «организованность» у Богданова и Бердяева трактуются по-разному. У первого организационная точка зрения пронизывает весь мир, где первый великий организатор – природа (как органическая, так и неорганическая) [25. С. 71]. Бердяев же склонен различать неорганическую природу, организм и организованность. Организм рождается из природной жизни и рождает сам; организация создаётся, творится человеком. И потому «*господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности*», причем Николай Александрович опасается, что «организация имеет тенденцию и самого организатора превратить из организма в машину», хотя человек «не может быть технизирован и машинизирован без остатка, в нем всегда останется иррациональное начало» [26. С. 8, 10, 12].

Богданов же преспокойно отождествляет механическую точку зрения с организационной [25. С. 99], хотя человека и не считает машиной. Религиозные философы вместо холодной «организации» говорят о гуманизации мира: «Он (человек. – *Т.Д.*) зависит от природной среды, и вместе с тем он гуманизирует эту

среду, вносит в неё принципиально новое начало» [22. С. 51]. У Н.Ф. Фёдорова: «Задача человека – морализировать все естественное, обратить слепую, невольную силу природы в орудие свободы» [27. С. 298]. У Богданова человек, во-первых, для себя есть комплекс непосредственных переживаний, входящих и не входящих в психический опыт; во-вторых, для других и для себя – как воспринимаемый определенный зрительно-тактильно-акустический комплекс; в-третьих, в дальнейшем развитии опыта – для себя и для других как объективный физиологический процесс; в-четвёртых, вследствие взаимного понимания друг друга через высказывания – и для других комплекс непосредственных переживаний [24. С. 75–76]. Ленин решительно, не стесняясь в выражениях, оценивает такое определение как «сплошной «комплекс» вздора, годного только на то, чтобы вывести бессмертие души или идею бога и т.п.» [28. С. 240]. Если смотреть глубже, данное богдановское понимание навеяно позитивизмом (который регистрирует только факты-элементы внешнего опыта) и «психологизмом», который, по Бердяеву, есть «замкнутость в природном, объективированном мире» и по которому «человек есть дробная часть мира» [22. С. 10].

С началом разделения труда, классовой дифференциации человек стал, по Богданову, раздробленным: люди различных профессий и классов перестали понимать другу друга. Дробление человека, по мнению Богданова, совершается в большей степени именно в «силу» одностороннего развития: «Всякий строит мир по образу и подобию своего специального опыта» [20. С. 24–25]. «Проклятые вопросы»: что я такое? Что есть этот мир? Откуда всё это? Зачем? Почему столько зла в мире? – Богданов считает вопросами раздробленного человека [20. С. 31–33] (для Бердяева, философов это собственно человеческие вопросы [29. С. 90]). Но при переходе капитализма в промышленную стадию процесс дробления человека повернул к собиранию: рабочий становится не только исполнителем, но и организатором машины, начинается постепенное освобождение рабочего из антагонизма организатор–исполнитель [20. С. 37–41].

В итоге – историософия Богданова, являясь развитием марксизма, предполагает телеологическую направленность исторического процесса, ведущую от «примитивного» первобытного «человека-целого» к «человеку-дроби» (как сущности человека эпохи социального неравенства) и от него к «человеку-целому» (как будущему) [20. С. 45]. Богданов в романе-утопии «Красная звезда» нарисовал «идеальную» гуманистическую модель социалистической революции в качестве социальной «перезагрузки» как важного момента на пути собирания цельного человека, постепенно разрывающего со своим классовым прошлым: вся власть в руках у рабочей партии, свергнутые классы не сопротивляются и не являются полностью «обделёнными» – им выплачивается пенсия и они работают в качестве «менеджеров» [30. С. 71–72]. В завершение статьи «Собирание человека» Богданов задаётся вопросом: есть ли смысл словом «человек» обозначать «существа» столь разнородные (индивида и первобытной, и авторитарной, и индивидуалистической, и коллективистской стадий развития)? И приходит к ответу: «…очевидно, что “нет” здесь вернее, чем “да” <…> Человек ещё не пришёл» [20. С. 53–54]. Стоит задаться вопросом: на чём же, если не на человеке, базируются его наработки по «элементам» социализма в настоящем [31] и относительно пролетарской культуры?

Но что есть богдановский «человек-целое»? Процитируем: «…гармоничное движение, спокойно-уверенное проявление силы, действие, чуждое болезненности усилия, стремление, свободное от волнения, живая активность, проникнутая сознанием своего стройного единства и своей непобедимой разумности» (ср. с бердяевским «недовольным», потому и растущим человеком). «Сложные человеческие существа» изображаются сосредоточенными на какомнибудь *одном* чувстве, стремлении (неясно, для чего такое насильственное обуживание. – *Т.Д.*); любимые темы: отображение экстаза творческой мысли, любви (но ведь «свобода от волнений»? – *Т.Д.*), наслаждения природой, спокойствия добровольной смерти; воплощение самой любви, «ясной, светлой, всепобеждающей» [30. С. 101–102] (как же тогда возможна «добровольная смерть»?).

Марсиане избегают всех формальностей и условностей при общении друг с другом: никогда не здороваются, не прощаются (хотя упоминания рукопожатий есть), не благодарят, не затягивают разговора из вежливости [30. С. 57, 126, 127]. Скорее, Богданов подразумевает проявления пошлости и лицемерия, которые определяются Бердяевым как бесконечная повторяемость, однообразие, утеря своего лица [22. С. 191, 200]. Но неужели эти качества не преодолены при коммунизме? В то же время с «большим терпением» марсиане приспосабливаются к психологическим особенности собеседника, «входят» в его психологию. На Марсе единый литературный и разговорный язык. Его правила не имеют исключений, в нём нет разграничений на мужской, женский и средний род (и по одежде сложно отличить девочку от мальчика, – смысла такой странной унификации не даётся [30. С. 90, 135–136]).

Марсианам неведомы понятия «великий человек», гений, они не приемлют вождизма. Для них каждый работник является творцом, которым «творит человечество и природа». Балласт имён прошлого, «мёртвый символ личности» («человек – личность, но дело его безлично», – отчеканивает Нэтти) марсиане считают бесполезным бременем для памяти человечества. В этом можно видеть перехлёст антиавторитарного настроя Богданова, исходящий из неприятия иерархизма. Богданов, в отличие от Бердяева, не отличал безличный иерархизм (чинопочитание) от иерархизма человеческих качеств и даров, который выделяет святого и гения, изобретателя и мастера, героя и т.д. [22. С. 88–89]. Между тем экипаж для полёта на Марс Мэнни отобрал из числа многих тысяч желающих. А в домашнем кабинете у Мэнни висел портрет выдающегося предка – организатора строительства марсианских каналов (о деяниях которого Богданов напишет позже фантастический роман «Инженер Мэнни»). Тем не менее памятники марсиане ставят только великим событиям: первой попытке достигнуть Земли, устра-

нению смертельной эпидемической болезни, открытию разложения и синтеза всех химических элементов [30. С. 51–53, 78, 103].

Соотношение личности и общества. Авангардом социального развития для Богданова является рабочий класс, но подвергается сомнению важность личности и семьи: «Маркс… впервые сумел понять… социальную сущность человека. Для него исходным пунктом был не индивидуум, и не… обломок родовых коллективов – моногамная семья, а новый, нарождающийся трудовой коллектив – рабочий класс» [32. С. 197]. Заметим, что основатели марксизма к личности относились более трепетно: «…в этой коллективности индивиды участвуют как индивиды», а не усреднённые члены класса [33. С. 75–76]. К тому же Богданов, видимо, пропустил 3-й тезис из «Тезисов о Фейербахе» Маркса: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания… это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан» [34. С. 2]. Центральной фигурой художественного произведения, по Богданову, при социализме становится не личность, а коллектив сначала классовый, а затем и общечеловеческий в борьбе с природой [22. С. 91; 35. С. 194], и «если даже видимым автором книги, картины, теории, нормы является определённая личность, то действительный генезис их гораздо шире и глубже, он коренится в коллективе».

У Бердяева по этому поводу более глубокая позиция: с одной стороны, «личность пуста, если она не наполняется сверхличными ценностями и качествами, если в творческих актах она не выходит за свои пределы вверх, не преодолевает себя, тем реализуя себя» [37. С. 229]. С другой – «человеческая личность не может не определить своего отношения к обществу, но она не может нравственно определяться обществом» [22. С. 64].

Притом Богданову, к сожалению, безразличен уровень дарований индивидуума, который является простым «приложением» социума: «Гений или простой работник… всегда – *точка приложения социальных* сил, не более, но и не менее этого» [38. С. 33]. Но ведь есть и нечто выше общества – истина, в результате поиска которой, например, произошло трагичное столкновение афинской демократии с Сократом. По мнению Богданова, порождает науку «только… общественная практическая необходимость» [39. Л. 27]. И здесь высвечивается утилитаристская позиция. Автор, по Богданову, является *организатором* «данного материала, а через то, в известной мере, и самой коллективности», что схоже с «ролью сборщика машинных частей в механическом производстве» [36. С. 39]. Причём создать нечто новое можно только из старых элементов [40. С. 212]. У Бердяева: «Творчество есть всегда… создание нового, небывшего в мире… Творчество по самому существу своему есть творчество из ничего» [22. С. 135]. В механицистском представлении Богданова есть некое преддверие постмодернистского подхода, где текст – лишь сборник цитат, просматривается и утрата самоценности личностного начала, которая мощно присутствовала в предшествующей традиции русской социалистической мысли.

Смотрим у В.Г. Белинского: «…судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира» [41. С. 22]. У Герцена: «Вечное подчинение человека обществу есть не что иное, как продолжение человеческих жертвоприношений в другой форме <…> Человек, любящий только *самого себя*, чудовище так же, как человек, любящий *всех*, кроме самого себя» [42. С. 229, 233]. И далее: «Согласовать личную свободу с *миром* – тут вся задача социализма» [43. С. 260]. Но суждениям, умаляющим личность, противоречат мысли тектолога из других работ: «Только в социалистическом строе возможен полный расцвет духа и выявление личности», – заявляет Богданов в 1917 г. [44. С. 5], как и в полемике с Каутским: «То, чем высший коллектив отличается от стада, есть именно индивидуальность членов коллектива, их самостоятельность, дух инициативы, оригинальность – то, без чего они не активные элементы коллектива, а только инертные элементы массы. Есть все основания думать, что именно в царстве коллективизма индивидуальность расцветёт наиболее пышно» [45. Л. 12–13].

Небесспорная позиция Богданова по взаимоотношению общества и личности отражается и в его мыслях о воспитании. Процесс воспитания уподобляется армейской жизни: подобен «делу набора, обучения, дисциплинирования, распределения рекрутов в армии», – что не может не вызвать удивления. В процесс воспитания включается и образование, где общество, учитывая свои утилитарные потребности, целиком и полностью формирует личность: подготовку человека «к выполнению той роли, тех функций, которые ему в системе общества придётся выполнять».

Скажем, что это определение воспитательного процесса предвещает модель буржуазного «общества потребления», где требуется подготовить человека лишь к «свободному *выбору* специальной функции в обществе», – модель, не подразумевающую творческого дерзновения личности. «Пережитками прошлого» в современной ему системе образования Богданов называет богословие и «мёртвые» языки (латинский и древнегреческий), что есть позитивистский же перегиб. В обществе социалистическом, по Богданову, воспитываются демократические принципы, что, отметим, осуществлялось уже и в русской крестьянской общине, которую Богданов игнорировал: «…все по мере знания и опыта участвуют в выработке коллективной воли (обсуждение и решение), каждый затем в её исполнении» [46. С. 112, 115–117].

Как в таком случае избежать возможного проявления «дурного коллективизма», где каждый голосует так, как все, где царит всеобщая безответственность, Богданов не поясняет, но подчёркивает, что при социализме «каждый мог бы в полной мере развивать свою производительную энергию, следуя своему трудовому призванию» [31. С. 91]. Однако призвание личности, по Богданову (1918 г.), определяется обществом: «Роль каждого в общем деле …должна меняться сообразно потребностям коллектива. Каждый определяет её сообща с другими, и участвует в её определении для других». Прямо противореча себе, далее Богданов говорит о самостоятельности личности: «В коллективе каждый дополняет других, в этом

сущность его роли. Но дополнять их он может постольку, поскольку от них отличается… поскольку самостоятелен… смысл этой самостоятельности *не в* отстаивании личных интересов, а в инициативности, критике, оригинальности…» [46. С. 117, 118]. Очевидно, что личные интересы Богданов понимает лишь в эгоистическом ключе, как идущие в ущерб обществу. Дальше он, полемизируя с либерализмом, говорит: мир индивидуализма «суживающей специализацией» и борьбой, отнимающей силы и возможности для реализации творчества, подавляет индивидуальные способности. Ещё более точно о губительном влиянии индивидуализма на личность высказался Бердяев: «Удушливая изоляция личности в современном индивидуализме есть гибель, а не торжество личности, есть обезличивание…» [22. С. 63]. Дисциплина при коллективизме принимает вид «не фетишистической дисциплины долга и закона<,а> живой товарищеской связи коллектива, сознательного подчинения его общим интересам, его целям» [46. С. 119].

Богданов не досказал, что такое сознательное подчинение возможно лишь при снятии противоречия между частными и общественными интересами. В «Красной звезде» социалистическая сознательная дисциплина видится более свободной для личности. Марсианская организация труда осуществляется посредством разумной ориентировки работников на таблицы, в коих указывается излишек или недостаток труда в отраслях производства: «При одинаковой или приблизительно равной склонности к двум занятиям, человек выберет то из них, где недостаток сильнее». «Статистика никого ни к чему не обязывает», хотя её влияние «непрерывно сказывается на *массовых* перемещениях труда» [30. С. 85, 89]. В «Красной звезде» мы видим «самоуправленческую» крайность в деле воспитания детей. В отдельном доме детей всего трое специалистов-воспитателей, в остальном воспитательную функцию на себя берут старшие дети, навещающие своих детей (или живущие некоторое время с ними) родители и молодые люди, изучающие дело воспитания [30. С. 93]. Касательно роли воспитателя Богдановым так же не учтён 3-й тезис Маркса о Фейербахе: «Роль воспитателя достигает здесь наибольшей сложности и ответственности. Но зато она впервые ясно выступает перед ним во всей своей глубине и величии. Он сознаёт себя действительным организатором общества, создающим истинного человека из того, что не было человеком» [46. С. 119].

Как видим, Богдановым вырисовывается колоссальная роль субъекта. Но почему воспитатель – человек, а общество ещё не человеческое? Откуда он мог такой взяться? В целом такая тонкая тема, как воспитание, при данном позитивистском подходе даётся лишь конспективно, по верхам. Вместе с тем в «Красной звезде» обозначена (без разрешения её) проблема: в детском возрасте у марсиан ещё присутствует атавизм личной собственности [30. С. 92]. Ответ на данный вопрос можно найти у советских психологов-дефектологов Загорского центра по воспитанию и обучению слепоглухонемых детей: освоение предметов быта, с помощью которых осуществляется «деловая» деятельность по индивидуальному самообслуживанию, – а затем и групповому, – в целях обеспечения первичных, органических нужд, открывает двери к «ориентировочно-исследовательской» / познавательной (т.е. творческой) деятельности, формирующей личностные потребности» [47. С. 80, 82, 124, 152, 175–176]. То есть именно творчество способно преодолеть собственническую одержимость.

Труд Богдановым определяется как сознательно-целесообразная деятельность, вызывающая как отрицательный (страдание, затрату энергии), так и положительный аффекционал (удовольствие), направленная как на приспособление человека к внешней среде, так и на её изменение [24. 198, 202]. «Социально-экономическое» определение труда у Богданова: «Труд есть **общественная функция** работника, – затрата энергии коллектива для поддержания и развития жизни коллектива» [48. С. 101]. Здесь снова мы видим «проглатывание» коллективом личности. В данном случае, к сожалению, Богданов подтверждает негативную точку зрения Бердяева о социалистах: «В своей борьбе за освобождение труда и трудящихся социализм не менее капитализма готов рассматривать личность как функцию общества» [22. С. 230]. В богдановской «Философии живого опыта» учитывается историко-преобразующее значение труда: «Труд в целом, это активность всего человечества в исторической связи всех его поколений». Труд, по утверждению Богданова, «*организует мир для человечества*» [32. С. 47, 48][1].

В «Познании с исторической точки зрения» (в «Эмпириомонизме» этого уже нет) Богданов выделяет два вида труда: консервативный и изменяющий. Консервативный – сохраняет, поддерживает и воспроизводит прежние условия существования человека; ему присущ статический тип мышления. Изменяющий – преобразует условия существования человека; ему соответствуют пластическое строение психики и исторический тип мышления [40. С. 204–208]. Фактически консервативный труд = воспроизводящий, а изменяющий = творческий. Богданов отмечает важность в том числе культурной «подпитки» для труда: «…если грамотный, мыслящий рабочий лишается привычной уже для него газеты, чтения брошюр, то падает его “настроение”, и опять понижается рабочая сила» [48. С. 104]. Вместе с тем скажем: Богданов здесь не выходит за рамки логики своего персонажа инженера Мэнни – менеджера технократической фазы развития капитализма: «Рабочий, который недоволен, угрожает неожиданностями, нарушающими ход дела. Мне нужна полная рабочая сила, и мне не надо неожиданностей» [50. С. 226]. «Работа “творческая”, – по Богданову, – представляет особый, сверхквалифицированный тип сложного труда». Для неё необходимы «новые и новые воздействия извне, вариации впечатлений, нарушающие шаблонный ход жизни». Как полагает тектолог, «природа никогда не повторяет в точности раз возникшего сочетания своих условий» и потому является наиболее ценным и даровым источником творчества в противоположность городу, чуждому «её могущих стимулов творчества», искусственно производящему вторичные и во многом вредные «возбудители»: алкоголь, разврат и азартные игры

[48. С. 109]. И далее: «Общество же грядущее позаботится о том, чтобы всем своим работникам дать естественные стимулы творчества – живую связь с матерью Природой». Эти соображения схожи с фёдоровской точкой зрения о городской жизни как искусственной [27. С. 47]. К творчеству у Богданова складывается отношение, как к хрупкому дару, но вместе с тем он срывается в позитивистскую калькуляцию творческой составляющей труда [48. С. 110]. По словам Бердяева, «возврат к природе есть вечный мотив в истории культуры, в нем чувствуется страх гибели культуры от власти техники, гибели целостной человеческой природы» [26. С. 6]. В своих записных книжках Богданов выводит «две мудрости: обывательскую и революционную. Первая принимает человека, как существо живое, вторая – как творческое. Первая избегает страдания и смерти вообще; для второй страдание может быть меньшим злом, чем переход к 1-й, который означает смерть творческого существа, соединённую с необходимостью потом ещё созерцать свой труп» [51. Л. 25]. Это схоже с бердяевской точкой зрения на творчество: «Никогда блаженство, счастье не является целью творчества, и творчество знает свои муки и страдания» [22. С. 162].

Богданов убеждён, что без способности к творчеству пролетариат не сможет стать самостоятельным и полноценным социальным *субъектом* – строителем нового мира. В связи с этим он обрушивается с критикой на точку зрения социал-демократов, пренебрегающих вопросом культуры: «Одни предлагают опеку со стороны обладающих досугом и достатком высших классов, другие – со стороны свято и строго охраняющих абсолютную истину теоретиков, – различна лишь степень и форма приложения тенденции, которая по существу в обоих случаях одна и та же», – отвечает Богданов в «Культурных задачах нашего времени» «скептикам». И далее: «…нельзя быть надёжными идеологами рабочего класса людям, которые проникнуты… глубоким недоверием к его творческим силам» [36. С. 30, 31].

Богданов видит «панацею» в выработке пролетариатом своих организационных методов (но ведь и они могут быть искажены. – *Т.Д.*), которые и приведут его к победе. Напротив – следование старым методам, логике других классов обрекают пролетариат на положение «объекта» социальной манипуляции («живого материала промышленности, пушечного материала милитаризма»): «Одно из 2-х, – отмечает в записных книжках Богданов: либо он принимает старую культуру, методы др. классов – и вместе с тем подчиненное положение; или он создаёт свою культуру, свои методы, подчиняет им свои организаторские силы, откуда бы они не пришли – и тогда, как господин хода вещей, выполняет свою историческую миссию» [51. Л. 28, 42; 52. 313–314]. «Пролетариат, конечно, – замечает Богданов, – законный наследник художественного богатства старой культуры. Но культурное наследство не достигается без усилий… И для этого один способ: надо иметь свою культуру, чтобы с её новой точки зрения осветить и понять продукты старого творчества» [36. С. 75; 49. С. 85]. Исходя из этого, по Богданову, необходимо, «продолжая прежнюю борьбу и организацию, сознательно и планомерно собирать, развивать, стройно систематизировать возникающие зародыши новой культуры – элементы социализма в настоящем» [52. С. 350]. Трудовой процесс изменения внешней природы вызывает и изменение самого человека, которое тоже есть труд по выработке в себе определённого мировоззрения и воспитания характера. Благотворно на человека действует свободный (= полезный) труд, который вытекает из собственных и основных *потребностей личности* (коллектив здесь не упоминается. – *Т.Д.*) и вызывает удовольствие («положительный аффекционал»). Именно он является воспитательным средством, и самое главное, по Богданову, он изменяет человеческую природу в сторону возрастания гармонии и полноты жизни и изменчивости её форм. Поэтому история ставит на повестку дня вопрос свободного труда, как «о систематическом, планомерном, непрерывно прогрессивном развитии человеческой психики» [24. С. 198–202]. По марксистскому канону Богданов определяет свободный труд как «естественную потребность каждого развитого социального человека» [30. С. 86].Тем временем Бердяев трактует освобождение труда как «освобождение личности» не только «от гнетущих фантазмов буржуазно-капиталистического мира», но и «от гнетущей власти социальной обыденности» [22. С. 233].

Отдых марсиан Богдановым в «Красной звезде» охватывается лишь в одном предложении: после работы марсиане отправляются по музеям, библиотекам, лабораториям и даже на другие фабрики наблюдать производство или работать [30. С. 136–137]. Вместе с тем у самого К. Маркса мы видим: в будущем обществе « мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время», ибо «*рабочее время в качестве меры богатства* предполагает, что само богатство основано на бедности… благодаря полаганию всего времени индивида в качестве рабочего времени и потому благодаря низведению этого индивида до положения только лишь рабочего, благодаря подчинению его игу труда».

Словом, расширение пространства свободного время в новом обществе способно преодолеть узкоклассовую картину мира, т.е. превратить рабочего в целостного и универсального человека. Маркс определяет свободное время «как досуг, так и время для более возвышенной деятельности», и в таком случае оно «превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства». При коммунизме, по мысли Маркса, будет реализовано «свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место… сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т.п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам» [53. С. 214, 217, 221]. И всё-таки у Маркса в некоторых местах происходит выпячивание процесса производства, что дало повод для вывода Бердяева о марксовом коммунизме: «Личность есть лишь орудие хозяйственно-общественного процесса, качества личности есть

лишь способ достижения максимальных хозяйственных благ и мощи» [22. С. 230].

Касательно проблемы *соотношения человека и машины* у Богданова в 1913 г. выходит специальная статья. При мануфактурном разделении труда человек берёт на себя функции машины. На стадии фабричной человек передаёт механическую работу машинам, отсюда «рабочий мог уже стать человеком». Инженер Тэйлор со своей «научной системой» организации труда, по словам Богданова, вновь превращает человека в машину: «Но разве может человек не отупеть, выполняя изо дня в день, из года в год… механическую работу под строжайшим, непрерывным, можно сказать – каторжным надзором? <…> он *должен* отупеть…». Богданов убеждён в том, что «над машиною нужен настоящий *человек*, а не тэйлоровская живая машина». Резюмируя, Богданов утверждает: «Вообще, тэйлоризм гораздо больше заключает усовершенствованные способы эксплуатации, чем улучшенные способы производства» [54. С. 5, 6, 12, 14, 15].

Схожая позиция и у Бердяева: «Система Тейлора есть крайняя форма рационализации труда, но она превращает человека в усовершенствованную машину» [26. С. 11]. Именно «отталкиваясь» от машины, по Богданову, человек определяет свою сущность и предназначение: «Машина… непрерывно повторяет работнику: “ты человек, ты человек свободный, могучий, ты направляешь стихийную силу, ты побеждаешь твёрдость металла, формы вещей покорны тебе; ты человек”». Эта речь машины настраивает его на борьбу, его «губы бессознательно шепчут: “настанет день!”… Что принесёт он – счастье победы, или гибель бойца – этого не знает молодой мечтатель; верно одно, – что он сумеет быть свободным и сильным, достойным того, что утверждает машина» [55. Л. 11–12].

Идеализируя технические возможности человека, управляющего машиной, Богданов не замечает обратную, негативную сторону власти техники. На этом аспекте останавливается Бердяев. Он предупреждает о подмене целей жизни средствами, когда человек становится орудием производства, об опасности омассовления и уничтожения всякой индивидуализации, говорит о том, что душевная организация человека не поспевает за развитием техники, отсюда и дегуманизация мира. Между человеком и машиной разворачивается борьба: либо дух человеческий подчинит себе технику, человек станет космиургом и в этом случае техника «может способствовать преодолению капитализма и созданию иного, более справедливого социального строя», либо человек, проявив слабину духовную, позволит машинам вытеснить себя полностью[26. С. 5, 7, 20, 22, 24, 25, 28, 29, 31, 33].

О товарищеском способе мышления. Учитывая, что «капитализм практически организуется при посредстве *права* частной собственности и *морали* индивидуализма» [52. С. 325], социализм должен быть построен на иных – товарищеских принципах. Богданов надеется, что «борьба ведётся не за перемену властителя, не за то, чтобы самим лично стать властителями, – а за *ограничение власти*, за изменение самого способа организации» [36. С. 49, 51], и «вместо индивидуализма буржуазии, против авторитарности поднимается коллективизм, жажда освобождения классового и с ним общечеловеческого» [35. 186].

По мысли Богданова (увы, исключающей крестьянство), «именно товарищеское сотрудничество является для рабочего класса его специфической формой организации» [36. С. 54]. В записных книжках Богданова читаем: «Товарищество – это центр мироотношения, это высшая точка зрения, с которой оцениваются формы сознания, а природа перестаёт быть безразличной и враждебной средой, становится полем общественного действия – опоры гордого сознания силы… опять определяемого товариществом». Причём коллективизм, по Богданову, является высшей формой универсализма, призванного очеловечить Вселенную: «Коллективизм познания есть активный универсализм, т.е. выражает реальную тенденцию к осуществлению универса-лизма: человечество организует мир, – но он ещё не организован почеловечески, универсализм же пантеистов и панпсихистов есть созерцательный, т.е. фиктивный…» [51. Л. 86, 94].

Вопросы этики. Что есть *любовь* в представлении Леонида (главного героя «Красной звезды») и марсиан? На Земле у Леонида была жена, они были отличались по мировоззрению: она ориентировалась на этические императивы, он – убеждённый аморалист, полагающий, что нравственные установления – пустые временные фетиши (по мысли А Шёнле, не случайно отчество героини Анны Николаевны отсылает к Чернышевскому [16. С. 160]); она считала, что любовь обязывает к жертвам, уступкам и верности, он – отрицал обязательства, считая многобрачие принципиально высшим, чем единобрачие. Однако, его марсианская возлюбленная врач Нэтти в чём-то оказалась похожа на бывшую жену: «Если бы мне не удалось вполне вылечить вас, я бы, может быть, умерла». На Марсе Леонид постепенно отходит от своих «земных» принципов, когда узнаёт, что Нэтти в прошлом была женой двух своих товарищей одновременно. Она в своём письме, призывая его к самообладанию, давала со своей стороны обещание: «У меня *не будет* других личных связей… перед страстным желанием помочь тебе в твоей великой жизненной задаче всё остальное становится так мелко и ничтожно. Я люблю тебя не только как жена, я люблю тебя как мать, которая ведёт своего ребёнка в новую и чуждую ему жизнь, полную усилий и опасностей. *Эта любовь сильнее и глубже всякой другой* (курсив мой. – *Т.Д.*)» [30. С. 22–23, 25, 125–126, 128–129, 131–132, 139–141, 144–148]. И если у Богданова-рационалиста «великая жизненная задача» заслоняет личность, то, тем не менее, в «Красной звезде» он бессознательно приходит к бердяевской позиции: «истинная любовь мучительна и трагична <…> элемент вечного материнства входит во всякую подлинную любовь. Жена есть также мать. Полное отсутствие материнского начала свойственно лишь типу любовницы-гетеры, куртизанки, которая вампирична, берет и не отдает» [22. С. 252, 256]. То же замечает и американский советолог К.Дженсен: Богданов подводит своего героя к пониманию, что представление Анны Николаевны о любви как духе самопожертвования было более правильным. Вместе

с тем Дженсен находит любовные сцены романа особенно сильными и достойными сравнения с творчеством Джейн Остин и Пушкина [12. С. 10, 26–27].

В «Тектологии» Богданов прямо пишет, что она чужда морали, как и математика [25. С. 57, 141]. Однако, в записных книжках он фиксирует мысли чисто этического характера, хотя сознательно пытается дистанцироваться от данного понятия, заменяя его более «нейтральным»: «Не моральная, но организационная точка зрения знать, что объединение в будущем неизбежно, и всячески отправлять его в настоящем». Средства, по суждению Богданова, должны соответствовать цели, и потому допустимо ли: «Я готов на всякую подлость для дела?» но если: «я сам существую для дела», значит, «что делаю для себя, то косвенно делаю для дела. Поэтому, если я сделаю подлость и для себя, это в конечном счёте тоже для дела. Затем подлость – метод становится привычкой, и рано или поздно делается открытие: “а ведь я подлец”» [51. Л. 31, 86].

По данному вопросу Богданов смыкается с Бердяевым: «“средства”, которыми пользуется человек», не менее важны, чем «цели», ибо «они больше свидетельствуют о духе человека» [22. С. 87]. После Февраля 1917 г. Богданов, поднимая политический дискурс до антропологического, на передний план выводит факт неравенства людей по своему человеческому достоинству: 1) служащие господству капитала – «низшая часть человечества»; 2) обыватели, – которых большинство, – сосредоточенны только на личных и семейных делах, не заботясь об общем деле и великом будущем; 3) «те, которые работают для освобождения всех от всякого рабства, гнёта и эксплуатации, для общего счастья. Это – борцы за социализм, люди будущего. Выше этого нет звания на земле» [56. С. 23]. Однако «революционер, который доведён до низости, который “сдал”, делается хуже обывателя, для которого низость – дело обихода: падение с большей высоты глубже». Образ либерала у Богданова вырисовывается прямо противоположным революционеру: «Либералы усвоили из Маркса, что их роль заключается в предательстве демократии, и постоянно ищут случая предать, – до сих пор всё на свою голову. Политику они понимают, как искусство выгодно изменить» [51. Л. 90, 95].

Опасность абсолютизации сциентизма. Среди болезней на «Красной звезде» преобладают психические заболевания, вызванные волнениями и кризисами половой жизни, а также смертью близких людей. Значит, в марсианском обществе не всё «идеально» и рационализм далеко не всеобъемлющ. В лечебнице самоубийцам предоставляется возможность *осознанно* покончить с жизнью: «Врач, конечно, сначала предлагает больному посоветоваться с ним. Некоторые соглашаются на это, другие – нет», – замечает врач-Нэтти. Здесь очевиден позитивистский уклон в мышлении Богданова: холодное подчинение неспособности убедить человека не делать непоправимое. Хотя в то же время Нэтти спасает от самоубийства Энно. Кроме того, с помощью обмена кровью между людьми, марсиане относительно долго сохраняют свою молодость: происходит «товарищеский обмен жизни не только в идейном, но и в физиологическом существовании» [30. С. 110–116, 140]. Отношение к другой жизни, другой культуре оказывается противоречивым. Вследствие увеличения эксплуатации Марса стучится в дверь опасность истощения природных ресурсов. С точки зрения математического ума Стэрни, для колонизации лучше всего подходит Земля. Главным препятствием являются земляне, считающее её своею собственностью. И поскольку немедленное социалистическое перевоспитание землян нереально, колонизация Земли требует, по заключению Стэрни, полного истребления земного человечества. Увеличением количества представителей «высшей» жизни, по его мнению, нельзя жертвовать ради «низшей» земной [30. С. 106, 107, 153–154, 158–160, 163–164].

Таким образом, чистый от «этических химер» рационализм таит в себе опасность проявлений нацизма, о чём в последующем говорили и представители «западного марксизма»: «…фашизм, избавляющий подвластные ему народы от бремени моральных чувств посредством дисциплины… в тем более глубоком созвучии с чистым разумом обращается… с людьми как с вещами <…> тоталитарный порядок полностью восстанавливает в своих правах калькулирующее мышление и основывается на науке как таковой» [57. С. 110].

Стэрни отвечает врач Нэтти, она выходит из линейно-вульгарного эволюционистского дискурса, становится на точку зрения равноправного межкультурного диалога. Культурная и этноментальная многоликость землян, по словам Нэтти, привели к «возникновению множества различных точек зрения и оттенков понимания жизни вселенной» [30. 164–165, 166–167], что является отправной диалектической точкой для дальнейшего развития. Нэтти убеждена: «Мы должны… если это необходимо, пожертвовать частицей той нашей жизни, которой ещё нет, для той, пока ещё чужой жизни, которая есть и развивается» [30. С. 168–169]. Эта мысль уже ставит ощутимый предел аморалистским тенденциям, заявленным от лица Леонида в начале романа, а после провозглашённым Стэрни, гибель которого можно считать символической.

При социализме человечество, по Богданову, должно достигнуть некоего «просветленного» состояния: «Из реальной власти общества над природой внешней и над своей собственной природою вытекает другая черта психологии нового мира – *это отсутствие всякого фетишизма*, чистота и ясность познания, освобождённого от идолов мистики и признаков метафизики». «Фетишизмом», по Богданову, являются и принудительные нормы. Функцией принудительных норм (обычай, право, нравственность) является регулирование жизненных противоречий между людьми, группами, классами. В связи с тем, что социальные противоречия устранены, нет надобности и в принудительных нормах [58. С. 282, 283]. Правда, на первой стадии коллективизма принудительность ещё необходима к нарушителю как представителю враждебной общественной силы. Принуждение и наказание будут применяться вплоть до перевоспитания новых поколений в духе коллективизма [35. С. 196–197]. При этом Богданов высказывает странное суждение: «Когда индивидуалисту доказывают услов-

ность… социальное происхождение нравственных норм, то он понимает это, как голое их отрицание, и впадает в великий гнев против “безнравственности” противников». Нам же представляется, что крайний индивидуализм это и есть аморализм. Характеризуя пролетарскую товарищескую солидарность, Богданов дистанцируется от термина «моральные принципы», заменяя его «организационной потребностью / целесообразностью коллектива» [35. С. 197; 36. С. 81, 82, 83–84, 85]. Более того, социальные нормы будущего он приравнивает к *техническим* нормам [36. С. 86] и правилам, к «научным положениям», нарушителями которых могут быть лишь люди с «психическими» отклонениями, к которым может быть применено «врачебное» насилие [35. С. 197]. Заметим, здесь едва ли не предвосхищение грядущей практики заключения оппозиционно настроенных лиц в психиатрические больницы, опасности чего Богданов не замечает. Пролетарские нормы, по Богданову, условны и пластичны: «…устав для коллектива, а отнюдь не наоборот» [36. С. 86, 87].

В целом у Богданова зауженная трактовка морали всецело как закона и фетиша. У Бердяева этот вопрос рассматривается значительно глубже: помимо этики закона он выделяет христианскую этику искупления и благодати, творческую этику, которые не отрицают первую: «Высшее не отрицает низшего, но включает его в себя в преображенном виде». «Этика закона, – по Бердяеву, – не знает внутреннего человека, она регулирует жизнь внешнего человека в его отношении к обществу людей… она авторитарна и социальна». Именно против неё (при упрощённом её понимании) и восстаёт Богданов, заменяя её ещё более бесчеловечно-холодной технической, не подозревая о творческой этике, не учитывая «этики внутреннего человека». Но «человек… ни одно мгновение не должен превращаться в нравственного автомата <…> Этика творчества есть этика бесконечного, для нее мир раскрыт и пластичен … Этика творчества исходит от личности, но направлена она не на личность, а на мир, в то время как этика закона исходит… от общества и направлена на личность» [22. С. 101, 107, 109, 114, 116, 117, 119, 142, 143]. К сожалению, позитивистские пристрастия Богданова не позволили ему увидеть и учесть чрезвычайно ценные антропологические наработки отечественных мыслителей.

Резюмируем. Наследие позитивизма, отразившееся во многом в собственных методологических наработках Богданова, – в эмпириомонизме, а затем в тектологии, – на наш взгляд, значительно обуживают его концепцию о сущности человека. Сочетание позитивистской познавательной программы с приверженностью марксизму и отголосками от дискуссии с философами-«идеалистами» (в первую очередь с Н.А. Бердяевым) во время вологодской ссылки (1901–1902 г.) у Богданова породили противоречия в отношении сущности человека: как чисто утилитарно-механистическое приложение социальных сил и как многоликого и оригинального творца себя, организатора общества и природы. Отметим: поставленный им же идеал монистического мировосприятия самому Богданову реализовать не удалось. В заключение скажем: постановка Богдановым вопроса о сущности человека (человека-в-прошлом, человека-в-настоящем и человека-в-будущем в подвижном сопоставлении сущего и должного), наличие «стрелы времени» (соблюдение принципа историзма), присутствие целевой причинности (направленности развития) приближают тектолога (если отвлечься от позитивистских пластов его мышления) к постнеклассической парадигме научного знания и синергетике.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Человечество организует мир так же и в своём познании [49. С. 47]. Производство в целом есть организующее действие [25. С. 71].

ЛИТЕРАТУРА

1. Gorelik G. Principal Ideas of Bogdanov's «Tectology» // General System. 1975. Vol. XX.
2. Mattessich R. Instrumental Reasoning and Systems Methodology. Dordrecht ; Boston : D. Reidel Pub. Co, 1978.
3. Zeleny M. Tectology. International Journal of General System. 1988. № 4.
4. Красный Гамлет: Опыт Коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова // Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 8. С. 738–752.
5. Луначарский А. А Богданов. Красная звезда. Утопия // Образование. 1908. № 5.
6. Горький М. Письма: 1907 – август 1908 г. М., 2000. Т 6.
7. Покровский М.Н. А.А. Богданов (Малиновский) // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26.
8. Зеньковский В.История русской философии. М. : Академический проспект; Раритет, 2001.
9. Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М. : Медицина, 1974.
10. Витюк В.В. К вопросу о теоретическом наследии А.А. Богданова // История становления советской социологической науки в 20–30-е годы. М., 1989.
11. Измоденова Н.Н. Один из проектов социализма (по работам Ю. Ларина, А. Богданова, А. Луначарского) // Социалистический идеал: вчера, сегодня, завтра. М., 1992.
12. Jensen, K.M. Red Star: Bogdanov builds a Utopia // Studies in Soviet Thought. 1982.
13. Graham L.R. Bogdanov's Inner Message // Alexander Bogdanov. Red Star. The First Bolschevik Utopia. Bloomington, Indiana University Press, 1984.
14. Zenovia A. Sochor. Revolution and culture. The Bogdanov-Lenin controversy. N. Y., 1988.
15. Арапов М. Язык утопии // Знание – сила. 1990. № 2.
16. Шёнле А. «Красная звезда» А. Богданова: жанр и восприятие // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые-седьмые-восьмые Тыняновские чтения. М., 1998.
17. Шушпанов А.Н. Литературное творчество А.А. Богданова и утопический роман 1920-х гг. : дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2001.
18. Самарская Е.А. Наука как потенциал социализма: А. Богданов // Политико-философский ежегодник. М. : ИФРАН, 2012. Вып 5.
19. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1974. Т. 42. С. 41–174.
20. Богданов А.А. Собирание человека // Богданов А.А. Новый мир (Статьи 1904–1905). М. : Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1905. С. 1–55.

21. Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма : сб. ст. / под ред. П.И. Новгородцева. М. : Изд. Моск. психол. о-ва, 1902. С. 91–137.
22. Бердяев Н.А. О назначении человека (опыт парадоксальной этики). Париж : Современные записки, 1931.
23. Богданов А.А. Авторитарное мышление // Богданов А.А. Из психологии общества. 2-е изд., доп. СПб. : Паллада, 1906. С. 110–184.
24. Богданов А. А. Эмпириомонизм: Статьи по философии / отв. ред. В.Н. Садовский; послесл. В.Н. Садовского; А.Л. Андреева, М.А. Маслина. М. : Республика, 2003.
25. Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн.: М. : Экономика, 1989. Кн. 1.
26. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–37.
27. Фёдоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неучёных к учёным, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. Т. I. С. 35–309.
28. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полное собрание сочинений. Т. 18.
29. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М. : Прогресс, 1988. С. 31–96.
30. Богданов А.А. Красная звезда // Богданов А. Праздник бессмертия: Избранные произведения. СПб. : Лениздат; Команда А., 2014. С. 17–205.
31. Богданов А.А. Социализм в настоящем // Неизвестный Богданов. В 3 кн. Кн. 2: А.А. Богданов и группа РС Д РП «Вперед» (1908–1914) / предисл. Дж. Биггарта; сост. Н.С. Антонова, Н.В. Дроздова. М. : ИЦ «АИРО–XX», 1995. С. 91–96.
32. Богданов А.А. Философия живого опыта (Популярные очерки): Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. 2-е изд. Петроград : М.И. Семенов, [после 1914].
33. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. 2-е изд., 1955. Т. 3. С. 7–544.
34. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. изд. 2-е. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 1–4.
35. Богданов А.А. Наука об общественном сознании (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М. : Книгоизд-во писателей в Москве, 1914.
36. Богданов А.А. Культурные задачи нашего времени. М. : Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911.
37. Бердяев Н.А. Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М. : Республика, 1995. С. 164–286.
38. Богданов А.А. (Н. Вернер). Наука и философия // Очерки философии коллективизма. СПб. : Т-во «Знание», 1909.
39. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 259. Оп. 1. Д. 49. Богданов А.А. Тексты, конспекты, планы и другой подготовительный материал к лекциям, статьям, докладам.
40. Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. СПб. :Типо-литография А. Лейферта, 1902.
41. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину. 1 марта 1841 г. // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. С. 22–30.
42. Герцен А.И. Дуализм – это монархия // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 12. С. 226–235.
43. Герцен А.И. Народный сход в память Февральской революции // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 12. М., 1957. С. 253–265.
44. Богданов А.А. Что такое социализм? Из истории и теории социализма. 2-е изд. Петроград : Книгоизд-во И.Р. Белопольского, 1917.
45. РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 44. Богданов А.А. Некоторые недоразумения. Ответ Каутскому по поводу его рецензии на немецкий перевод книги «Наука об общественном сознании».
46. Богданов А.А. Идеал воспитания (доклад на конференции учителей г. Москвы в мае 1918 г.) // Богданов А.А. Новый мир. 2-е изд., доп. М. : Коммунистъ, 1918.
47. Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М. : Педагогика, 1974.
48. Богданов А.А. Труд и потребности работника // Молодая гвардия. М., 1923. № 3 (10). С. 101–111.
49. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. В 3 кн. / под ред. Г.А. Бордюгова. М. : АИРО–XX, 1995. Кн. 3.
50. Богданов А.А. Инженер Мэнни // Богданов А. Праздник бессмертия: Избранные произведения. СПб. : Лениздат; Команда А., 2014. С. 205–345.
51. РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26. Богданов А.А. Записные книжки.
52. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М. : Политиздат, 1990. С. 295–356.
53. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. (Первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1969. Т. 46, ч. II.
54. Богданов А.А. Между человеком и машиною. СПб. : Прибой, 1913.
55. РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 52. Богданов А.А. Отрывок (гл. II) из незавершённого романа «Леонид».
56. Богданов А.А. О социализме. М. : Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1917.
57. Хоркхаймер М., Адорно Т.Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. СПб. : Медиум; Ювента, 1997.
58. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд. М. : Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1906.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 марта 2020 г.

Anthropology Searches by Alexander Bogdanov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 125–136.
DOI: 10.17223/15617793/463/16

Dmitriy A. Teplyakov, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: dmitryteplyakoff@yandex.ru

Keywords: Alexander Bogdanov; essence of human; philosophical anthropology; Marxism; positivism; historiosophy; historiography.

The article aims to reconstruct Alexander Bogdanov's anthropology searches. The sources of the material for the research were: Bogdanov's theoretical & methodological works; works of art; social and political journalism; notebooks (RSASPH. Fund 259); philosophical works of representatives of socialist thought and Russian religious philosophy. Bogdanov understands human as a whole, as a microcosm organizing the world for oneself, but also as a mechanical organization of "complexes of elements of experience" and as a reflection, part of the whole-nature. The antagonism between the organizer and the doer, according to Bogdanov, turned the human into a part–fraction–limitation. The "integration" of the human, the return to an all-round person-whole is an overcoming of this antagonism, which starts in industrial capitalism where the proletarian is not only a doer, but also an

organizer of the machine. People's labor transforms external nature and themselves. Bogdanov defined creativity in a positivist key: the new is a recombination of the elements of the old. At the same time, Bogdanov acknowledges nature as the primary source of creativity (= position of Russian religious philosophy). Capacity for creativity can make the proletariat an active social subject, a fighter for a new world, from which stems the idea of proletarian culture. The comradely method of thinking formed, according to Bogdanov, within proletarian collectives supplants authoritarian and individualistic views of the world and becomes dominant in socialism. Bogdanov's view of a person is contradictory. Rejection of authoritarianism often goes to belittling a person as a point to which social forces are applied. On the other hand, Bogdanov holds that, in the realm of collectivism, personality will flourish most magnificently. Bogdanov criticizes Taylor's scientific management, which he sees as a transformation of a person into a machine; Bogdanov is close to Berdyaev's position in this issue. At the same time, Bogdanov believes in the advantage of scientific and technical standards over legal and moral norms, without going, unlike Berdyaev, beyond the ethics of law into the ethics of creativity. Pronouncing his otherworldliness in the issues of morality, in his notebooks Bogdanov asserts: the aim-cause does not justify vile means; he contrasts the elastic conscience and cynicism of the bourgeois political culture to the adherence to principles and serving the bright ideals of socialism. In *Red Star*, Bogdanov makes a warning: consistent cold rationalism leads to the danger of a physical obliteration of another historical and cultural community on account of a lack of resources for further progressive development. However, later, in *Tectology*, he calmly continues affirming the leadership, monism of the natural-scientific model of cognition. The author of the article comes to the conclusion that Bogdanov, being a successor of the "second positivism" and a Marxist simultaneously, has a contradictory vision of the human as a utilitarian-mechanistic annex of social forces and as a many-sided and original creator of oneself, an organizer of society and nature.

REFERENCES

1. Gorelik, G. (1975) Principal Ideas of Bogdanov's "Tectology". *General System*. XX.
2. Mattessich, R. (1978) *Instrumental Reasoning and Systems Methodology*. Dordrecht; Boston: D. Reidel Pub. Co.
3. Zeleny, M. (1988) Tectology. *International Journal of General System*. 4.
4. *Vestnik RAN*. (1994) Krasnyy Gamlet: Opyt Kollektivnogo analiza tvorcheskogo naslediya Aleksandra Bogdanova [Red Hamlet: The Experience of Collective Analysis of the Creative Heritage of Alexander Bogdanov]. 64 (8). pp. 738–752.
5. Lunacharskiy, A. (1908) A Bogdanov. Krasnaya zvezda. Utopiya [A. Bogdanov. Red Star. Utopia]. *Obrazovanie*. 5.
6. Gor'kiy, M. (2000) *Pis'ma: 1907 – avgust 1908 g.* [Letters: 1907 – August 1908]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
7. Pokrovskiy, M.N. (1928) A.A. Bogdanov (Malinovskiy). *Vestnik Kommunisticheskoy Akademii*. 26.
8. Zen'kovskiy, V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskiy prospekt; Raritet.
9. Belova, A.A. (1974) *Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov*. Moscow: Meditsina. (In Russian).
10. Vityuk, V.V. (1989) K voprosu o teoreticheskom nasledii A.A. Bogdanova [On the issue of the theoretical legacy of A.A. Bogdanov]. In: *Istoriya stanovleniya sovetskoy sotsiologicheskoy nauki v 20–30-e gody* [History of the formation of Soviet sociological science in the 1920s and 1930s]. Moscow: Institute of Sociology, USSR AS.
11. Izmodenova, N.N. (1992) Odin iz proektov sotsializma (po rabotam Yu. Larina, A. Bogdanova, A. Lunacharskogo) [One of the projects of socialism (based on the works of Yu. Larin, A. Bogdanov, A. Lunacharsky)]. In: *Sotsialisticheskiy ideal: vchera, segodnya, zavtra* [Socialist ideal: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.
12. Jensen, K.M. (1982) Red Star: Bogdanov builds a Utopia. *Studies in Soviet Thought*. 23. pp. 1–34.
13. Graham, L.R. (1984) Bogdanov's Inner Message. In: Bogdanov, A. *Red Star. The First Bolschevik Utopia*. Bloomington: Indiana University Press.
14. Sochor, Z.A. (1988) *Revolution and culture. The Bogdanov-Lenin controversy*. N. Y.: Cornell. University Press.
15. Arapov, M. (1990) Yazyk utopii [The language of utopia]. *Znanie – sila*. 2.
16. Shenle, A. (1998) "Krasnaya zvezda" A. Bogdanova: zhanr i vospriyatie [Red Star by A. Bogdanov: genre and perception]. In: *Tynyanovskiy sbornik* [Tynyanov Collection]. Vol. 10. Moscow: [s.n.].
17. Shushpanov, A.N. (2001) *Literaturnoe tvorchestvo A.A. Bogdanova i utopicheskiy roman 1920-kh gg.* [The literary works of A.A. Bogdanov and the utopian novel of the 1920s]. Philology Cand. Diss. Ivanovo.
18. Samarskaya, E.A. (2012) Nauka kak potentsial sotsializma: A. Bogdanov [Science as the potential of socialism: A. Bogdanov]. In: *Politiko-filosofskiy ezhegodnik* [Political and Philosophical Yearbook]. Vol. 5. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
19. Marx, K. (1974) Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 42. 2nd ed. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 41–174.
20. Bogdanov, A.A. (1905) *Novyy mir (Stat'i 1904–1905)* [New World (Articles of 1904–1905)]. Moscow: Izd. S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova. pp. 1–55.
21. Berdyaev, N.A. (1902) Eticheskaya problema v svete filosofskogo idealizma [Ethical problem in the light of philosophical idealism]. In: Novgorodtsev, P.I. (ed.) *Problemy idealizma* [Problems of idealism]. Moscow: Moscow Psychological Society. pp. 91–137.
22. Berdyaev, N.A. (1931) *O naznachenii cheloveka (opyt paradoksal'noy etiki)* [On the purpose of a person (experience of paradoxical ethics)]. Parizh: Sovremennye zapiski.
23. Bogdanov, A.A. (1906) *Iz psikhologii obshchestva* [From the psychology of society]. 2nd ed. St. Petersburg: Pallada. pp. 110–184.
24. Bogdanov, A.A. (2003) *Empiriomonizm: Stat'i po filosofii* [Empiriomonism: Articles on philosophy]. Moscow: Respublika.
25. Bogdanov, A.A. (1989) *Tektologiya (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka). V 2 kn.* [Tectology (General Organizational Science). In 2 Books]. Book 1. Moscow: Ekonomika.
26. Berdyaev, N.A. (1933) Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki tekhniki) [Man and machine (the problem of sociology and metaphysics of technology)]. *Put'*. 38. pp. 3–37.
27. Fedorov, N.F. (1995) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress". pp. 35–309.
28. Lenin, V.I. (1968) Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskie zametki ob odnoy reaktsionnoy filosofii [Materialism and empirio-criticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 18. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
29. Scheler, M. (1988) Polozhenie cheloveka v kosmose [The position of man in space]. Translated from German. In: Popov, Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: Perevody* [The problem of man in Western philosophy: Translations]. Moscow: Progress. pp. 31–96.
30. Bogdanov, A.A. (2014a) *Prazdnik bessmertiya: Izbrannye proizvedeniya* [The Feast of Immortality: Selected Works]. St. Petersburg: Lenizdat; Komanda A. pp. 17–205.
31. Bogdanov, A.A. (1995) Sotsializm v nastoyashchem [Socialism in the Present]. In: Bordyugov, G.A. (ed.) *Neizvestnyy Bogdanov. V 3 kn.* [Unknown Bogdanov. In 3 vols]. Book 2. Moscow: AIRO–XX. pp. 91–96.
32. Bogdanov, A.A. (c. 1914) *Filosofiya zhivogo opyta (Populyarnye ocherki): Materializm, empiriokrititsizm, dialekticheskiy materializm, empiriomonizm, nauka budushchego* [Philosophy of Living Experience (Popular Essays): Materialism, empiriocriticism, dialectical materialism, empiriomonism, science of the future]. 2nd ed. Petrograd: M.I. Semenov.

33. Marx, K. & Engels, F. (1955) Nemetskaya ideologiya [German ideology]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 7–544.
34. Marx, K. (1955) Tezisy o Feyerbakhe [Theses on Feuerbach]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 1–4.
35. Bogdanov, A.A. (1914) *Nauka ob obshchestvennom soznanii (Kratkiy kurs ideologicheskoy nauki v voprosakh i otvetakh)* [The Science of Public Consciousness (A Short Course in Ideological Science in Questions and Answers)]. Moscow: Knigoizd-vo pisateley v Moskve.
36. Bogdanov, A.A. (1911) *Kul'turnye zadachi nashego vremeni* [Cultural challenges of our time]. Moscow: Izd-vo S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova.
37. Berdyaev, N.A. (1995) *Tsarstvo Dukha i tsarstvo kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika. pp. 164–286.
38. Bogdanov, A.A. (N. Verner) (1909) Nauka i filosofiya [Science and philosophy]. In: *Ocherki filosofii kollektivizma* [Essays on the philosophy of collectivism]. St. Petersburg: T-vo "Znanie".
39. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 259. List 1. File 49. Bogdanov, A.A. *Teksty, konspekty, plany i drugoy podgotovitel'nyy material k lektsiyam, stat'yam, dokladam* [Texts, notes, plans and other preparatory material for lectures, articles, reports].
40. Bogdanov, A.A. (1902) *Poznanie s istoricheskoy tochki zreniya* [Cognition from a historical point of view]. St. Petersburg: Tipo-litografiya A. Leyferta.
41. Belinskiy, V.G. (1956) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 12. Moscow: USSR AS. pp. 22–30.
42. Gertsen, A.I. (1957a) *Sobranie sochineniy v tridtsati tomakh* [Collected works in thirty volumes]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 226–235.
43. Gertsen, A.I. (1957b) *Sobranie sochineniy v tridtsati tomakh* [Collected works in thirty volumes]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 253–265.
44. Bogdanov, A.A. (1917) *Chto takoe sotsializm? Iz istorii i teorii sotsializma* [What is socialism? From the history and theory of socialism]. 2nd ed. Petrograd: Knigoizd-vo I.R. Belopol'skogo.
45. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 259. List 1. File 44. Bogdanov, A.A. *Nekotorye nedorazumeniya. Otvet Kautskomu po povodu ego retsenzii na nemetskiy perevod knigi "Nauka ob obshchestvennom soznanii"* [Some misunderstandings. Answer to Kautsky about his review of the German translation of the book "Science of Social Consciousness"].
46. Bogdanov, A.A. (1918) *Novyy mir* [The new world]. 2nd ed. Moscow: Kommunist".
47. Meshcheryakov, A.I. (1974) *Slepoglukhonemye deti. Razvitie psikhiki v protsesse formirovaniya povedeniya* [Deaf-blind children. The development of the psyche in the process of forming behavior]. Moscow: Pedagogika.
48. Bogdanov, A.A. (1923) Trud i potrebnosti rabotnika [Labor and needs of the worker]. *Molodaya gvardiya.* 3 (10). pp. 101–111.
49. Bogdanov, A.A. (1995) Desyatiletie otlucheniya ot marksizma [Decade of excommunication from Marxism]. In: Bordyugov, G.A. (ed.) *Neizvestnyy Bogdanov. V 3 kn.* [Unknown Bogdanov. In 3 vols]. Book 3. Moscow: AIRO–XX.
50. Bogdanov, A.A. (2014b) *Prazdnik bessmertiya: Izbrannye proizvedeniya* [The Feast of Immortality: Selected Works]. St. Petersburg: Lenizdat; Komanda A. pp. pp. 205–345.
51. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 259. List 1. File 26. Bogdanov, A.A. *Zapisnye knizhki* [Notebooks].
52. Bogdanov, A.A. (1990) *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let* [Issues of socialism: Works of different years]. Moscow: Politizdat. pp. 295–356.
53. Marx, K. (1969) Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. (Pervonachal'nyy variant "Kapitala") [Economic manuscripts of 1857–1859. (The original version of "Capital")]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 46 (2). 2nd ed. Moscow: Izd-vo polit. lit.
54. Bogdanov, A.A. (1913) *Mezhdu chelovekom i mashinoyu* [Between man and machine]. St. Petersburg: Priboy.
55. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 259. List 1. File 52. Bogdanov, A.A. *Otryvok (gl. II) iz nezavershennogo romana "Leonid"* [Excerpt (Ch. II) from the unfinished novel "Leonid"].
56. Bogdanov, A.A. (1917) *O sotsializme* [On socialism]. Moscow: Tip. tov-va I.D. Sytina.
57. Horkheimer, M. & Adorno, T. (1997) *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment. Philosophical fragments]. Translated from German by M. Kuznetsov. St. Petersburg: Medium; Yuventa.
58. Bogdanov, A.A. (1906) *Kratkiy kurs ekonomicheskoy nauki* [A concise course in economics]. 9th ed. Moscow: Izd-vo S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova.

Received: 04 March 2020